

Омелян Йосипович Пріцак
(1919–2006)

ДО 100-РІЧЧЯ ВІД ДНЯ НАРОДЖЕННЯ ОМЕЛЯНА ПРИЦАКА

ISSN 1682-5268 (on-line); ISSN 1608-0599 (print)

Shidnij svit, 2019, No. 4, pp. 5–26

doi: <https://doi.org/10.15407/orientw2019.04.005>

UDC 930.2

IMPOSSIBILITY OF DIALOGUE: CORRESPONDENCE OF B. SPULER AND O. PRITSAK WITH THE KAZAN HISTORIANS-TURKOLOGISTS (1955)

Kh. Abdullin

PhD (History)

Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov,

Tatarstan Academy of Sciences

30, Butlerova str., Kazan, Republic Tatarstan, 420012, Russia

xalimabd@mail.ru

I. Zmajlov

DSc (History)

Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov,

Tatarstan Academy of Sciences

30, Butlerova str., Kazan, Republic Tatarstan, 420012, Russia

ismail@inbox.ru

The file containing materials of correspondence of the professor of the Hamburg University Bernard Spuler and his post-graduate student Omeljan Pritsak with the Kazan historians apropos of monuments of the 13–14th centuries from territory of the Middle Volga region is stored in scientific fund of Institute of archaeology of Academy of Sciences of Tatarstan Republic. In it key questions are mentioned which will become in future object of disputes and the certain terminological different interpretations influencing the understanding not only linguistic, but also ethnocultural and ethnopolitical situation on the Middle Volga region as a whole. Questions and answers which were kept by this express discussion, are extremely important and indicative, as they show realities of the international coordination and possibility of the Soviet scientists from national republics to carry out contacts with the western colleagues. The example of this archival publication makes it clear that regional historians either didn't have such a possibility in general, or they have been very limited.

Keywords: B. Spuler, O. Pritsak, N. F. Kalinin, Turkology, the Kazan school of archeology and Turkology, the international scientific communications, scientific cooperation, Bulgar ulus, Golden Horde, medieval Volga region, epigraphically monuments, Tatar epigraphic database of the 13–14th centuries

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ДИАЛОГА: ПЕРЕПИСКА Б. ШПУЛЕРА И О. ПРИЦАКА С КАЗАНСКИМИ ИСТОРИКАМИ-ТЮРКОЛОГАМИ (1955 г.)

Х. М. Абдуллин, И. Л. Измайлов

В научном фонде Института археологии Академии наук Республики Татарстан хранится дело¹, содержащее материалы переписки профессора Гамбургского уни-

© 2019 Kh. Abdullin and I. Zmajlov; Published by the A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine on behalf of *The World of the Orient*. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>).

верситета Бернарда Шпулера² и его аспиранта Омельяна Прицака³ с казанскими историками по поводу эпитафических памятников XIII–XIV вв. с территории Среднего Поволжья. В ней затрагиваются ключевые вопросы, которые и в дальнейшем станут объектом споров и определенных терминологических разночтений, влияющих на понимание не только лингвистической, но и в целом этнокультурной и этнополитической ситуации в Среднем Поволжье. Вопросы и ответы, которые сохранила эта экспресс-дискуссия, показывают, насколько ограничены были возможности советских ученых из национальных республик в осуществлении контактов со своими западными коллегами.

Эта переписка представляет определенный интерес как с точки зрения изучения научных связей между европейскими и советскими учеными, так и понимания возникающих на этом пути препятствий.

Материалы дела (Приложение. Документы 1–5; илл. 1) [Переписка...] состоят из 15 листов и содержат перевод письма Б. Шпулера и О. Прицака, сопроводительное письмо начальника Иностранного отдела Академии наук СССР С. Г. Корнеева⁴, несколько вариантов ответа на данное письмо, включая рукописный первоначальный вариант, а также окончательный вариант и копию, направленную в Академию наук, сопроводительное письмо заместителя председателя президиума Казанского филиала Академии наук СССР профессора Л. М. Миропольского⁵. Кроме рукописного варианта ответа, все остальные материалы представляют собой третьи или даже четвертые машинописные копии. Но все хорошо читаемые и понятные. При публикации авторы сохранили стиль писем и написание, присущее документам.

Первое письмо (Приложение. Документы 2–3; илл. 2), адресованное “профессору Юсупову” и датированное 9 августа 1955 г., пришло из Гамбургского университета за подписью Б. Шпулера и О. Прицака. Очевидно, что реальное письмо было напечатано на бланке, от которого сохранились только вписанные от руки выходные данные: слева – *Universitat Hamburg. Seminar fur Geschichte und Kultur des Vorderen Orients* (Университет Гамбурга. Семинар по изучению истории и культуры Переднего Востока), а справа – адрес университета и дата написания. В деле хранится только перевод, который был прислан в Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР (далее – ИЯЛИ КФАН СССР). Сам оригинал, очевидно, хранится в делах международного отдела АН СССР.

В нем авторы письма, обращаясь к “профессору Г. В. Юсупову”, уведомляли, что «доцент нашего института д-р О. Притсак⁶ работает над болгарскими надписями 13–14 вв. Ему удалось м. пр.⁷ прочесть несколько фраз, писанных на “втором болгарском” языке, которые до сих пор не поддавались дешифровке, и он готовит сводную работу о надписях». Они формулируют вопросы к Академии наук СССР: “В связи с этим мы просили Академию Наук СССР прислать нам несколько работ /или микрофильмы/, которые не имеются в Германии /в первую очередь Сборник /Происхождение Волжских Татар, Казань 1948/”. Далее они излагают более специальные и профессиональные вопросы к советским коллегам: «Кроме того доцент д-р Притсак просил меня обратиться к Вам, как к лучшему знатоку болгарской и татарской эпитафики с просьбой, подать ему следующие информации:

1. Проф. А. П. Смирнов пишет в своей работе “Волжские Булгары”, Москва 1951, 57, что в Чишмах в уфимском районе был “найден камень с арабской надписью, гласящей, что здесь покоится Хусейн Бек, сын Измера Бека, 444 г. Хиджры /1052/”. К сожалению он не подает где эта надпись издана. Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы могли прислать нам фотографию /или микрофильм/ этой надписи.

2. Были-ли когда-нибудь изданы тексты копий надписей, сделанные П. А. Пономаревым, которыми пользовался И. Ф. Готвальд для своих переводов /ср. Изв. ОАИЭ, 10, 482, II, 336; 12, 76/. Можно было бы получить микрофильмы /или фотокопии этих надписей?/

3. В “Советской Этнографии”, 1946, кн. 3, на стр. 150 пишется м. пр. “Затем Н. Ф. Калинин приводит подробные данные об эпитафических памятниках конца 13–14 вв. /75 шт./..., обследованных археологическими экспедициями Казанского института. Демонстрируя ряд снимков...” Где были изданы эти надписи? Можно-ли было бы тоже получить их – микрофильмы или фотокопии?»

Интересны детали, которые сообщают авторы письма, говоря об организации исследований по данной теме. О. Прицак писал: “Для моей личной ориентации я /д-р П./ составил каталог надписей и их подробную библиографию. Не располагая – к сожалению – нужными материалами боюсь, что он очень неполный. Можно мне послать Вам копию этого каталога для просмотра и эвентуальных дополнений?” В конце он фактически предлагал не просто научную координацию, но сделать совместную большую работу: “Что думаете насчет издания *Corpus Inscriptionum Bulgaricorum*?” По сути дела, речь шла о работе, которая могла опередить свое время, заложить основы исследования, объединяющего европейские тюркологические традиции и материалы татарских эпитафических памятников.

В этом письме поставлены два важных вопроса, касающиеся некоторых научных проблем, являющихся ключевыми для тюркологии. Первый связан с трактовкой вопроса о том, чем являлись языковые особенности, выявленные на ряде поволжских эпитафических памятников XIII–XIV вв., – диалектом единого болгарского языка либо отдельным языком. Вторая точка зрения в середине XX в. была не нова и нашла обоснование еще в трудах Х. Фейзханова. Вполне очевидно, Б. Шпулер пытается сказать, что О. Прицак предложил свое прочтение нескольких надписей и выявил их некоторые языковые особенности, ускользавшие от внимания других тюркологов. Поэтому он и хочет узнать у казанских коллег, насколько они продвинулись в своих тюркологических исследованиях, согласовать свое понимание языковых процессов в средневековом Поволжье с мнением по этому поводу советских тюркологов.

Второй вопрос касался публикации свода всех мусульманских эпитафических надписей с территории Среднего Поволжья. Из письма видно, с каким невероятным трудом приходилось зарубежным тюркологам буквально любыми способами добывать сведения о памятниках эпитафики, черпая их из разнородных, отрывочных и часто случайных свидетельств. Очевидно, О. Прицак прекрасно осознавал, что изучение лингвистических особенностей поволжских эпитафических памятников по плохим фотографиям из отечественных дореволюционных и советских изданий является не очень хорошей идеей. Именно этим вызваны просьбы его, переданные через Б. Шпулера, прислать фотографии или микрофильмы новых или хорошо снятых старых объектов, о которых он узнал из трудов П. А. Пономарева и И. Ф. Готвальда⁸. При этом он обещает прислать свой вариант каталога, снабженный соответствующей библиографией. Поскольку в нашей стране подобного каталога еще не было, но над ним активно работали Н. Ф. Калинин⁹ и Г. В. Юсупов¹⁰, то подобная научная кооперация могла бы помочь в ускорении разработки свода эпитафических памятников XIII–XV вв.

К сожалению, должного понимания эта инициатива не получила. И проблема не в косности и нежелании сотрудничать с западными коллегами. Археолог и эпитафист старой школы с гимназическим образованием Н. Ф. Калинин прекрасно понимал необходимость координации усилий различных научных школ и направлений. Но возможности его контактировать с зарубежными коллегами были весьма ограниченными.

В этой переписке как в капле воды отразились все сложности взаимного общения, возникающие как у зарубежных гуманитариев, так и у их советских коллег. Они были не столько в разных подходах к теме, хотя и это было – слишком разные

сформировались в 1930–1940-е гг. научные школы, сколько в том, что общение было не прямым, а опосредовано целым рядом инстанций. Формально вся переписка проходила через аппарат Академии наук СССР. Однако следует иметь в виду, что ее Иностраннный отдел работал в ней только формально, а в действительности был подотчетен Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР. Само прохождение этого письма по инстанциям показывает, как осуществлялись контроль и цензура над международной перепиской в советской Академии наук.

За деловым “бумагооборотом”, если такое канцелярское определение возможно для характеристики переписки между учеными, видны сложности, которые испытывали советские исследователи, вынужденные общаться со своими зарубежными коллегами через посредство чекистов из Иностранного отдела Академии наук. Проблема не только в медлительности подобного способа обмена информацией, но и в том, что она не оставляла никакой свободы для советских исследователей высказывать свои мысли, обсуждать детали проблемы и строить гипотезы. Сухой канцелярский стиль и контроль за перепиской со стороны дирекции института, визировавшей все бумаги и, следовательно, отвечавшей за их благонадежность, не позволяли писать ничего, кроме шаблонных, казенных и политически выверенных фраз. Высшей инстанцией, санкционировавшей контакт с зарубежными специалистами, являлся Иностраннный отдел, определявший тон и стиль писем, а также частоту и интенсивность контактов. В данном случае мы можем точно сказать, что эти контакты не вылились ни во что существенное. Они явно мало помогли зарубежным тюркологам и не позволили отечественным специалистам понять важность затронутой в письме проблемы.

Завязать научный диалог, полемику мешали не только языковые проблемы или препоны, создаваемые органами безопасности государства. Самая существенная проблема заключалась в том, что ученые говорили не просто на разных языках (имеется в виду не немецкий, которым Н. Ф. Калинин, как выпускник досоветской гимназии, владел, несомненно, в достаточной мере, а язык науки), а в том, что мыслили они в разных научных парадигмах. И данная переписка как раз показывает это достаточно отчетливо.

Очевидно, письмо поступило в систему Академии наук, где было переведено в Иностранном отделе. В Казань 23 августа оно было направлено на имя председателя президиума Казанского филиала АН СССР академика А. Е. Арбузова¹¹ (Приложение. Документ 2). В деле сохранилась вторая или даже третья копия этого письма без подписи, а первый экземпляр на бланке Академии наук, по видимому, был возвращен обратно вместе с ответом. Не исключено, что на этой первой копии были подписи согласования документа, которые, как материалы “для служебного пользования”, в сохранившуюся в деле копию письма не попали. Письмо было подписано начальником Иностранного отдела Академии наук СССР С. Г. Корнеевым.

Видимо, ответ не был подготовлен сразу же по получении, поскольку Н. Ф. Калинина не было в Казани. Он в это время выезжал в археологические экспедиции, а Г. В. Юсупов после защиты кандидатской диссертации был вынужден направиться на работу в Уфу, в Башкирский институт языка, литературы и истории Башкирского филиала АН СССР. Поэтому это письмо, очевидно, стало предметом обсуждения лишь спустя почти месяц со дня получения в Казани. Сначала был набросан предварительный текст, который, судя по почерку, был составлен Н. Ф. Калининным (Приложение. Документы 3–4; илл. 3).

В нем он подчеркнул, что работа над эпитафийными памятниками ведется и ИЯЛИ КФАН СССР “имеет в своем плане издание болгарских и казанско-татарских

надписей XIII–XVII вв.”. Всего, по данным этого письма, для первого издания собрано около 100 надписей, которые уже прочитаны некоей “эпиграфической комиссией” и “подготовлены”, очевидно, к изданию. Из него же следует, что готовящаяся публикация “Corpus inscriptionum bulgaricarum et tataricarum” должна стать первым томом целой библиотеки по этой теме.

Далее Н. Ф. Калинин сообщает, что работы Г. В. Юсупова, вышедшие в ежегоднике “Эпиграфика Востока”, являются частью его кандидатской диссертации. Ответственно между строк читалось: руководство института не в праве распоряжаться текстами будущей монографии и высылать ее текст за рубеж, предлагая набраться терпения и ждать выхода этой работы из печати, а автореферат его диссертации любезно направляет авторам письма.

Примерно таким же был ответ на вопрос о месте издания надписи, найденной А. П. Смирновым¹² в Чишминском районе Башкирской АССР, и возможности переслать ее фотографию или микрофильм статьи. Авторы, снимая с себя ответственность, сообщают, что “запросили проф. А. П. Смирнова” и он “обещал выслать ответ в сентябре месяце”. Интересно, что в первоначальном тексте стояло более конкретно – “в начале сентября”. Очевидно, Н. Ф. Калинин, посетив А. П. Смирнова на раскопках Болгарского городища, передал ему просьбу авторов письма, и он ответил, что сможет подготовить ответ только после возвращения из экспедиции. Но при редактировании письма эта определенная фраза была подправлена на более неопределенную “в сентябре месяце”. Тем самым авторы письма – директор ИЯЛИ КФАН СССР М. К. Мухарямов и руководитель археологической группы Н. Ф. Калинин – сняли с себя ответственность за своевременность ответа А. П. Смирнова и ясно дали понять, что не отвечают за коммуникацию с московским археологом и что его ответ может затянуться на неопределенное время.

По существу вопросов, осторожно поставленных в письме, Н. Ф. Калинин дает вполне внятные и определенные ответы. Главным теоретико-методологическим противоречием между школами казанской и европейской тюркологии было понимание сути зафиксированных в эпитафиях с территории Волго-Уральского региона языковых явлений. О. Прицак, как и многие другие современные тюркологи, вслед за Н. Ашмариним, считал, что эти памятники отражают существование тюркских языков двух типов – один р-язык (предок чувашского) и з-язык (предок кыпчакского или старотатарского). Это отчетливо понимал Н. Ф. Калинин. Поэтому в ответе института прямо пишется: «Булгарский язык мы считаем одним¹³, поэтому не понимаем выражение вашего письма: “второй болгарский язык”. Булгарский язык проявляется в эпиграфике одновременно в двух диалектах и, обычно, в двух стилях, но он единый и является основой современного казанско-татарского языка, в котором тоже имеются диалекты»¹⁴.

Очевидно, это ключевая фраза письма и самый содержательный отрывок из него. За этими словами скрыта драматическая история, полная научных дискуссий, идеологических ограничений и вполне реальных репрессий. В научном плане за ней стоит конкретная парадигма, развивавшаяся в советской казанской тюркологии и являющаяся отправной точкой для формирования болгаро-татарской концепции истории татарского народа [подробнее см.: Исхаков, Измайлов 2001, 41–100].

Данную точку зрения сам Н. Ф. Калинин высказывал за десять лет до описываемых событий в своем выступлении на сессии Отделения истории и философии АН СССР, посвященной происхождению татарского народа и состоявшейся 25–26 апреля 1946 г. Он подчеркивал, что эпиграфические памятники фиксируют не два разных языка, а один, но с двумя разными “стилями оформления”. При этом в виде гипотезы, подтверждающей это утверждение, высказывал предположение, что “богато оформленные каменные плиты с каллиграфическим шрифтом, с текстами

на арабском языке и со словами, родственными казанско-татарскому языку, принадлежали... верхушке болгарского феодального общества... в значительной степени арабизированного и пользовавшегося литературным языком того времени, каковым для нижнего и среднего Поволжья XIII–XIV века может считаться тюрко-кипчакский язык с сильными элементами арабизма” [Калинин 1948, 104]. Эпитафии “второго стиля” с “чувашизмами” и упрощенной куфической традиционной графикой Н. Ф. Калинин связывал с “остальным населением болгарского государства” – “купцами, ремесленниками, менее знатными феодалами” [Калинин 1948, 104].

В общих чертах такую точку зрения отстаивали, с некоторыми оговорками, казанские тюркологи, считавшие, что болгарский язык, представленный текстами эпитафий, являлся ранней стадией развития современного татарского языка [см.: Залая 1948, 81–89]. Но такой констатации недостаточно, чтобы представить всю остроту и важность этой проблемы. Научная этика и объективность исследователей в данном вопросе играли малозначимую роль. С позиции современности вообще сложно понять, насколько сами советские тюркологи верили в эту языковую картину прошлого, поскольку корень ее скрывался в экстранаучных обстоятельствах, а именно в политическом диктате руководства страны над наукой, где языковедение являлось только одним из рубежей идеологической войны.

Подобная точка зрения утверждалась в научном сообществе не в результате дискуссии, а была установлена партийными чиновниками и московскими учеными, которые корректировали свои взгляды в соответствии с последними указаниями партии и правительства. В данном случае единственной указующей директивой были Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. “О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации” и последовавшее за ним постановление Татарского обкома ВКП(б) от 6 октября 1944 г., где были сформулированы задачи для историков. В нем было категорически указано, что “Грубейшей ошибкой института (имеется в виду ИЯЛИ КФАН СССР. – Х. А., И. И.) является полное отождествление истории Золотой Орды с историей современного татарского народа”, при этом Бюро Обкома подчеркнуло: “ошибки института, выразившиеся в приукрашивании Золотой Орды, в полном игнорировании ее агрессивной сущности, в антинаучной характеристике Золотой Орды, как родины татарского народа... являются националистическими ошибками и направлены против укрепления дружбы между русским и татарским народами”¹⁵. Поскольку период Золотой Орды подлежал полному исключению из прошлого татарского народа, то его место должно было занять Булгарское государство, а болгарский период предлагалось сделать приоритетным в изучении истории татар. В соответствии с этими партийными указаниями начали действовать гуманитарии, подгоняя свои материалы под прокрустово ложе партийных указаний. Относительно этнической истории фокус интересов историков, археологов и лингвистов сместился на болгарский период, который с этого времени стал центральным и поворотным моментом татарской истории [Измайлов 1996, 96–101].

Относительно истории языка это имело те же практические последствия. Со времени этого Постановления ЦК ВКП(б) и последовавшей за ним академической сессии 1946 г. именно болгарский язык, понимаемый как кипчакский (з-язык), был признан субстратной основой языка современных татар, а различные языковые явления, которые не вписывались в эту лингвистическую теорию, или игнорировались, или объявлялись диалектами, не имевшими серьезного значения для генерального развития татарского языка. Игнорировалось, в частности, то, что в количественном отношении эпитафий с “диалектными” особенностями (язык р-типа) для первой половины XIV в. было гораздо больше, чем с нормативным языком

кыпчакского типа (з-язык). Попытки объяснить эти диалектные различия и стили оформления надгробных камней социальным статусом умерших оказались сомнительными, поскольку никаких подобных социально-языковых различий при детальном анализе большой совокупности памятников выявить не удалось [Мухаметшин 2008, 5–44].

Истинность этой гипотезы утверждалась, как говорилось выше, не в ходе научной дискуссии, а директивно. “Научная” сессия являлась, на наш взгляд, только внешним антуражем, призванным придать флер учености партийным директивам о том, как следует понимать узкоспециальную проблему в свете руководящих указаний ЦК ВКП(б). Этим и занимались гуманитарии, собравшиеся на сессии в отделении истории и философии АН СССР в апреле 1946 г. С этого момента выработанная концепция происхождения татарского народа и его языка приобрела статус не только главенствующей, но и единственно верной. В этой связи Н. Ф. Калинин не мог написать ничего другого в ответном письме. Возможно, он даже боялся, что переписка продолжится и ему придется полемизировать по вопросам, которые в советской науке обсуждению не подлежали.

Ко времени этой переписки тюрколог Г. В. Юсупов, собравший и проанализировавший значительный комплекс эпитафических памятников, завершил свою кандидатскую диссертацию, которая позднее была издана в качестве монографии [Юсупов 1960]. В целом, автор следовал общей концепции, утвержденной на сессии по происхождению татарского народа в 1946 г. Основным языком населения Булгарии и Среднего Поволжья периода Золотой Орды им объявлялся з-язык (поволжский тюрки), а другие языки – его диалектами.

С теорией единства болгарского языка с некоторыми диалектами, ставшего в дальнейшем современным татарским языком, произошло то же, что и со всеми подобными теориями. Единственно верная и не требовавшая доказательств в 40-е гг. XX в., она при соприкосновении с современными научными теориями и конкретным лингвистическим материалом стала рассыпаться. Концептуальная строгость и непротиворечивость, присущие этой гипотезе в условиях советской парадигмы исторического языкознания, оказались несостоятельными при соприкосновении с мировой наукой. Уже в конце 1970-х гг. она была пересмотрена в соответствии с новым анализом комплекса материалов и современными методиками анализа языковых явлений [Хакимзянов 1978; 1987]. В современных условиях российская наука вернулась к трактовкам, распространенным в мировой науке и открытым для полемики в рамках науки.

На момент рассматриваемой переписки у сторон не только не было поля и научного аппарата для дискуссии, но и сам научный процесс виделся ими совершенно различно. Неудивительно, что Н. Ф. Калинин в институтском ответе прямо пишет: «Булгарский язык мы считаем одним, поэтому не понимаем выражение вашего письма: “второй болгарский язык”». Очевидно, что он действительно не понимал сути проблемы, находясь в разряженном воздухе советской науки, где уже отвыкли от дискуссий и привыкли к определенности, за которой стояла идеологическая ортодоксия. Почвы для диспута просто не было, поскольку авторы писем с вопросами и ответами существовали в разных и непересекающихся научных плоскостях. С одной стороны, это стремление к открытой дискуссии и утверждению истины посредством споров, а с другой – следование утвержденным штампам, которые никакой дискуссии не предполагали, поскольку являлись аксиомами, не подлежащими обсуждению. Идеологические запреты в науке продолжали существовать как руководство к действию со стороны партийных и иных внутренних органов власти, отравляя своим существованием гуманитарную науку, лишая ее возможности развиваться и поддерживать международные связи.

Иными словами, на материалах данной условной переписки мы, как в капле воды, видим целый ряд проблем, свойственных советской науке, и ее неспособность существовать в конкурентной среде, вырабатывать и защищать свои научные концепции. Если для естественнонаучных дисциплин подобный контакт был возможен в силу универсальности и унифицированности языка науки (за исключением некоторых идеологизированных направлений, таких как генетика или кибернетика), то для гуманитариев любые дискуссии являлись своего рода культурным шоком. Страна еще не отошла от кошмара прямого террора и идеологических репрессий. В этих условиях попытка завязать диалог со стороны немецкой школы тюркологии натолкнулась на настороженность и непонимание. И это еще мягко сказано. Очевидно, что любые попытки завязать контакты с западными учеными или вступить с ними в диалог могли стать поводом для репрессий. Подобный дамочлов меч идеологического взыскания и угрозы репрессий висел практически над всеми гуманитариями.

Власти, включая те, что отвечали за чистоту идеологии, видимо, также пребывали в некоторой прострации, пропустив в Казань это письмо, позволившее раскрыть некоторые стороны существования советской науки. Переписка, пусть и весьма скоротечная, может быть весьма полезна для понимания функционирования самой системы гуманитарных наук в СССР, что лучше всего видно на примере контактов с западными учеными.

Итогом данной переписки стал фактически полный на многие десятилетия разрыв связей казанских ученых с мировой наукой, что весьма пагубно сказалось на уровне отечественных исследований, предопределив отставание от современных концепций и методик в гуманитарных науках. Разумеется, это не вина, а беда отечественных ученых. Между тем О. Прицак написал и издал серьезный научный труд по болгарскому языку [Pritsak 1955], став зачинателем современного изучения этой проблемы на новом материале. В дальнейшем он стал одним из ведущих западных тюркологов, преподавал в ведущих вузах Европы и США, включая Гарвард, где позднее основал Институт украинских исследований, издавал журналы по тюркской истории и лингвистике.

К счастью для мировой науки, неудачная попытка расширить источниковедческие возможности тюркологии за счет новых материалов из Татарстана не стала препятствием для написания серьезной научной работы, но серьезно повлияла на ее выводы, утвердившиеся в мировой тюркологии. Попытки, предпринятые татарскими тюркологами и гуманитариями в последние десятилетия XX в., пока не привели к изменению устоявшихся взглядов относительно того, что в эпитафийных памятниках мы имеем дело с двумя разными языками, наименование одного из которых “болгарским” или “прачувашским” лишь затрудняет понимание языковых процессов на территории Волго-Уральского региона в эпоху Средневековья [Хакимзянов, Измайлов 2006, 621–628].

Нельзя исключить возможности, что активные международные связи и контакты, завязавшись они в 1955 г., могли бы повлиять на формирование этих представлений в мировой науке. В этом состоит ирония истории – автаркия научных школ, изоляция от мировых тенденций сохраняют и консервируют их парадигму, но только на то время, пока они не столкнулись с конкуренцией других парадигм, которые неизбежно разрушат их монополию на объяснение научных явлений. Крах их, несомненно, становится трагедией для многих специалистов, привыкших к схематичным и банальным процедурам и концепциям. Крах советской гуманитарной науки, произошедший на рубеже веков, тому ярчайший пример.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 1

8¹⁶

*Universitat Hamburg
für Geschichte und Kultur
des Vorderen Orients*

*Hamburg
9-го августа 1955 г.
Grindelhof.
Fernsprecher 441071
app. 755*

г. Казань
Филиал Академии Наук СССР
Профессору Г. В. Юсупову

Многоуважаемый Господин Профессор,
доцент нашего института д-р О. Притсак работает над болгарскими надписями 13–14 вв. Ему удалось м. пр. прочесть несколько фраз, писанных на “втором болгарском” языке, которые до сих пор не поддавались дешифровке, и он готовит сводную работу о надписях.

В связи с этим мы просили Академию Наук СССР прислать нам несколько работ /или микрофильмы/, которые не имеются в Германии /в первую очередь Сборник Происхождение Волжских Татар, Казань 1948/.

Кроме того доцент д-р Притсак просил меня обратиться к Вам, как к лучшему знатоку болгарской и татарской эпиграфики с просьбой, подать ему следующие информации:

1. Проф. А. П. Смирнов пишет в своей работе “Волжские Булгары”, Москва 1951, 57, что в Чишмах в уфимском районе был “найден камень с арабской надписью, гласящей, что здесь покоится Хусейн Бек, сын Измера Беда, 444 г. Хиджры /1052/”. К сожалению он не подает где эта надпись издана. Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы могли прислать нам фотографию /или микрофильм/ этой надписи.

2. Были-ли когда-нибудь изданы тексты копий надписей, сделанные П. А. Пономаревым, которыми пользовался И. Ф. Готвальд для своих переводов /ср. Изв. ОАИЭ, 10, 482, II, 336; 12, 76/. Можно было бы получить микрофильмы /или фотокопии этих надписей?/

3. В “Советской Этнографии”, 1946, кн. 3, на стр. 150 пишется м. пр. “Затем Н. Ф. Калинин приводит подробные данные об эпиграфических памятниках конца 13–14 вв. /75 шт/..., обследованных археологическими экспедициями Казанского института. Демонстрируя ряд снимков...” Где были изданы эти надписи? Можно-ли было бы тоже получить их микрофильмы или фотокопии?

4. Для моей личной ориентации я /д-р П./ составил каталог надписей и их подробную библиографию. Не располагая – к сожалению – нужными материалами боюсь, что он очень неполный. Можно мне послать Вам копию этого каталога для просмотра и эвентуальных дополнений?

5. Что думаете на счет издания *Corpus Inscriptionum Bulgaricorum*?¹⁷

Ожидая Вашего скорого ответа остаюсь с глубоким почтением

проф. д-р Б. Шпулер

Директор п.п. *gt. O. Pritsak*

Документ 2

7

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

Иностраннный отдел
“23” августа 1955 г.
№ 46-МК/280
Москва, В-71, Б. Калужская, 14
Коммутатор В-2-00-00

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА
КАЗАНСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК
СССР
академику Арбузову А. Е.

Направляем Вам письмо проф. Б. Шпулера
/Гамбургский университет/ для передачи проф. Юсупову Г. В.
Приложение: на 1 листе.

Начальник Иностранного отдела
Академии наук СССР С. Г. Корнеев

Документ 3

14

Казанский Филиал
Академии наук СССР
Институт языка, литературы
и истории

Казань ... 1955

Ул. Лобачевского, д. 2/31

Гамбургский университет. Семинар по изучению истории и культуры Переднего Востока. Профессору
Б. Шпулеру и доценту О. Притсаку.

Многоуважаемые господа,
институт /языка, литературы и истории КФАН¹⁸/ получил ваше письмо от 9 августа, адресованное работавшему у нас аспиранту Г. В. Юсупову.

Так как Г. В. Юсупов в настоящее время у нас не работает, а круг вопросов, вами запрашиваемых, относится к тематике нашего института, то мы на них отвечаем.

1. Институт имеет в своем плане издание болгарских и казанско-татарских надписей XIII–XVII вв., составляющих единую линию развития. В текущем году будет издан первый том этого издания, которое может быть названо *Corpus Inscriptionum Bulgarorum et Tartaricorum*. В этот том войдет около 100 №№ эпиграфических материалов XIII–XIV вв., уже подготовленных, собранных и прочтенных нашей комиссией.

2. Работы Г. В. Юсупова, напечатанные в “Эпиграфике Востока” являются частью его работы, составившей кандидатскую диссертацию. [Автореферат ее – посылает.]

3. Сведения о работе эпиграфической комиссии КФАН можно найти в сборнике “Происхождение казанских татар”, 1948 в статье Н. Ф. Калинина (председателя названной комиссии). Здесь изданы шесть надписей и впервые проведена классификация надписей, деление их на два стиля, в основе которых лежат диалектологические особенности болгарского языка.

4. Болгарский язык мы считаем одним, поэтому не понимаем выражение вашего письма: “второй болгарский язык”. Болгарский язык проявляется в эпиграфике одновременно в двух диалектах и, обычно, в двух стилях, но он единый и является основой современного казанско-татарского языка, в котором, тоже имеются диалекты.

15

5. Копию каталога, составленного доктором Притсаком, просим прислать по нашему адресу. Мы с удовольствием просмотрим его и сделаем возможные указания.

6. Пышляем вам следующие издания: сборник:
– “Происхождение казанских татар” Казань, 1948.
– Автореферат Г. В. Юсупова. Уфа.
– Автореферат Л. З. Залялетдинова.
– История Татарской АССР, т. I, на правах рукописи.

7. Мы запросили проф. А. П. Смирнова ответ на 1-ый ваш вопрос. Он обещал выслать ответ в начале сентября месяца.

8. О копиях П. А. Пономарева можем сообщить, что они не были изданы.

Миропольский¹⁹

Директор ИЯЛИ
Ст. н. сотр.
Ст. н. сотр.

Мухарямов.
Н. Калинин.
Л. Заляй.

Документ 4

5

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

№ 355/16/12

14 сентября 1955 г.

ГАМБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Семинар по изучению истории и культуры Переднего Востока
Профессору Б. ШПУЛЕРУ и доценту О. ПРИТСАКУ²⁰

Многоуважаемые господа!

Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР получил ваше письмо от 9 августа, адресованное работавшему у нас аспиранту Г. В. Юсупову. Так-как Г. В. Юсупов в настоящее время у нас не работает, а круг вопросов, вами затрагиваемых, относится к тематике нашего Института, то мы на них отвечаем.

1. Институт имеет в своем плане издание болгарских и казанско-татарских надписей XIII–XVII вв., составляющих единую линию развития. В текущем году будет издан первый том этого издания, который может быть назван “Corpus inscriptionum bulgaricarum et tartaricarum”. В этот том войдет около 100 №№ эпиграфических материалов XIII–XIV вв., уже подготовленных, собранных и прочтенных вашей комиссией.

2. Работы Г. В. Юсупова, напечатанные в “Эпиграфике Востока” является частью его работы, составившей кандидатскую диссертацию.

3. Сведения о работе эпиграфической комиссии Казанского филиала Академии наук СССР можно найти в сборнике “Происхождение казанских татар”, 1948 г., в статье Н. Ф. Калинина /председателя названной комиссии/. Здесь изданы шесть надписей и впервые проведена классификация надписей, деление их на два стиля, в основе которых лежат диалектологические особенности болгарского языка.

4. Болгарский язык мы считаем одним, поэтому не понимаем выражение вашего письма: “второй болгарский язык”. Болгарский язык проявляется в эпиграфике одновременно в двух диалектах и, обычно, в двух стилях, но он единый и является основой современного казанско-татарского языка, в котором тоже имеются диалекты.

5. Копию каталога, составленного доктором Притсаком, просим прислать по нашему адресу. Мы с удовольствием просмотрим его и сделаем возможные указания.

6. Посылаем вам сборник “Происхождение казанских татар”, Казань, 1948 г.

7. Мы запросили проф. А.П. Смирнова ответ на первый Ваш вопрос. Он обещал выслать ответ в сентябре месяце.

8. О копиях П. А. Пономарева можем сообщить, что они не были изданы.

Ученый секретарь Института
языка, литературы и истории КФАН СССР
кандидат исторических наук

ПОДПИСЬ

М. К. Мухарямов/

Руководитель археол. группы
кандидат исторических наук –

ПОДПИСЬ

/Н. Ф. Калинин/

Документ 5

2

365/ 14 сентября 1955
Москва, Б. Калужская, 14

В ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ ПРЕЗИДИУМА АН СССР

тов. КОРНЕЕВУ С. Г.

на в/№ 46-мк/280 от 23 августа с.г.

В Казанский филиал АН СССР в адрес бывшего вашего аспиранта Г. Б. Юсупова /ныне работающего в Институте языка, литературы и истории Башкирского филиала АН СССР/ обратился с письмом гамбургский профессор Б. Шпулер. В его письме подняты некоторые вопросы о болгарских надписях XIII–XIV вв.

При сем препровождаем на Ваше усмотрение ответ Института языка, литературы и истории нашего филиала на письмо проф. Б. Шпулера, книгу “Происхождение казанских татар” для пересылки профессору Шпулеру и копию его письма.

Заместитель Председателя
Президиума Казанского филиала АН СССР
профессор –

/Л. М. Миропольский/

¹ Переписка института с профессором Гамбургского университета Б. Шпулером и доцентом О. Притсак по вопросу Булгарских надписей XIII–XIV вв. (сентябрь 1955 г.) / Научный фонд Музея археологии РТ Института археологии АН РТ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 125. № 633. 15 с.

² *Шпулер Бертольд* (1911–1990) – историк, востоковед. Окончил гуманитарную гимназию им. Бисмарка (1930), учился в Гейдельбергском (1931–1932), Гамбургском (1932), Мюнхенском (1933), Бреславском (1933–1935) университетах. В 1938 защитил докторскую диссертацию “Монголы в Иране”. В 1945–1948 зав. кафедрой ориенталистики в Геттингенском, 1948–1980 – в Гамбургском университетах. Автор трудов: *Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350*. Hinrichs, Leipzig, 1939; *Idel-Ural. Völker und Staaten zwischen Wolga und Ural*. O. Stollberg, Berlin, 1942; *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223–1502*. Leipzig, 1943. (2 изд. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965). Рус. пер.: *Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг.* Пер. с немец. яз. и коммент. М. С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.

³ *Прицак Омелян Иосифович* (1919–2006) – американский историк-востоковед, профессор-эмерит Гарвардского университета, основатель и первый директор (1973–1989) Гарвардского института украинских исследований, заграничный член Национальной Академии наук Украины (НАНУ), основатель, первый директор (1991–1998) и почетный директор (1998–2006) Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. Продолжатель традиции украинской национальной школы М. Грушевского. Ученик А. Крымского. Действительный член Турецкой академии языка, Национальной академии наук и искусств США, Латвийской академии, иностранный член НАНУ (с 1990) и др. Основной областью его исследований являлись язык и история тюркских народов Евразии – волжских болгар, дунайских болгар, хазар, печенегов, кыпчаков, а также ранний период Древнерусского государства, изучение восточных источников, касающихся его истории. Автор трудов: *Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren* (Ural-Altische Bibliothek. 1) Wiesbaden, 1955; *The origin of Rus’*. Cambridge, Mass.: Distributed by Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute, 1981; *Studies in medieval Eurasian history*. London: Variorum Reprints, 1981; *On the writing of history in Kievan Rus*. Cambridge, Mass.: Ukrainian Studies Fund, Harvard Univ., 1980; *Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в.* Науч. ред., послесловие и коммент. В. Я. Петрухина. Москва – Иерусалим: Гешарим, 1997. О нем: *Домбровский О. Пам’яті Омеляна Прицака (Спогади)* // Український історик. 2006. Т. XLIII, 1–3. С. 228–237; *Flier M. S. Omeljan Pritsak 7 April 1919 – 29 May 2006* // Harvard Ukrainian Studies. 2004–2005. Vol. 27, No. 1/4. P. 11–12.

⁴ *Корнеев Степан Гаврилович* (1912–2003) – заместитель заведующего Международным отделом ВЦСПС, начальник Управления внешних сношений АН СССР. Полковник КГБ СССР. Автор монографий: *Научные связи Академии наук СССР со странами Азии и Африки*. М.: Наука, 1976; *Советские ученые – почетные члены научных организаций зарубежных стран*. 3-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1990. Один из составителей многотомного труда “Н. И. Вавилов. Научное наследие в письмах: Международная переписка. Т. I–VI. М.: Наука, 1994–2003”.

⁵ *Миропольский Леонид Михайлович* (1896–1965) – геолог, доктор геолого-минералогических наук (1936), профессор (1934), заслуженный деятель науки и техники ТАССР, РСФСР (1945, 1947). Окончил Казанский университет (1919), работал там же, директор Геолого-минералогического института (1931), зав. кафедрой минералогии и петрографии (1931–1965), проректор (1944–1946). С 1945 в Казанском филиале АН СССР: директор Геологического института (1945–1964), зам. председателя президиума (1945–1949). Труды по минералогии, литологии, геохимии минералов, горных пород и полезных ископаемых Урало-Поволжья.

⁶ Так в тексте.

⁷ Сокращение – между прочим.

⁸ *Готвальд Иосиф Федорович* (1813–1897) – известный ориенталист, профессор арабского и персидского языков. Окончил Бреславский университет (1836). С 1838 в России. Работал в Императорской публичной библиотеке (1841–1849), участвовал в трудах учрежденного при втором отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии комитета для составления свода мусульманских узаконений (1846–1849). С 1849 ординарный профессор арабского и персидского языков Казанского университета, с 1850 библиотекарь

университета. В 1855 при перемещении в Санкт-Петербургский университет Разряда восточной словесности оставлен внештатным профессором, оставшись и в должности библиотекаря и цензора восточных книг. В 1855 принял российское подданство. В 1857–1884 начальник университетской типографии. В 1859–1862 временный преподаватель английского языка. В 1860–1875 Казанский отдельный цензор. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1870). В 1895 избран почетным членом Казанского университета. В 1897 уволен по болезни от службы. Завещал Казанскому университету свою библиотеку и собрание рукописей.

⁹ *Калинин Николай Филиппович* (1888–1959) – археолог, музейный работник, педагог, кандидат исторических наук (1947). Заслуженный деятель науки Татар. АССР (1944). Окончил историко-филологический факультет Казанского университета (1910), преподавал в учебных заведениях Царевококшайска, Симбирска, Тетюшей, Мариуполя, Казани. В 1924–1944 заведовал историко-археологическим отделом Центрального (государственного) музея Татарской АССР, в 1944–1959 работал в Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, одновременно в 1941–1957 преподавал в Казанском государственном университете. Круг научных интересов – археология, история и культура Волжской Булгарии и Казани; вопросы этногенеза народов Поволжья. В 1938 участвовал в экспедиции А. П. Смирнова в Болгаре. В 1945–1952 руководил археологической экспедицией КФАН СССР, обследовавшей 447 памятников от эпохи палеолита до позднего Средневековья. Выделил приказанскую культуру (совместно с А. Х. Халиковым). С 1923 одним из первых проводил археологические исследования в Казани. Основные труды: Казань. 2-е изд. Казань: Татар. кн. изд-во, 1955. О нем см.: *Гимади Х. Г. Н. Ф. Калинин [Некролог] // Советская археология. 1960. № 2; Ситдииков А. Г., Старостин П. Н. Николай Филиппович Калинин (1888–1959). Казань: Изд-во КГУ, 2002.*

¹⁰ *Юсупов Гарун Валеевич* (1914–1968) – тюрколог, этнограф, эпиграфист, кандидат филологических наук (1952). Окончил географический факультет Казанского университета (1941). Участник Второй мировой войны. В 1946–1949 заведующий этнографическим музеем Казанского университета. С 1952 в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. С 1958 в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР. Основные труды по болгарской и татарской эпиграфике: Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. О нем см.: *Мухаметшин Д. Г. Г. В. Юсупов и проблемы татарской эпиграфики // Поволжская археология. 2014. № 4. С. 154–177.*

¹¹ *Арбузов Александр Ермингельдович* (1877–1968) – академик, создатель Казанской химической школы фосфороргаников. Окончил Казанский университет (1900). С 1901 – ассистент, а с 1906 – профессор института сельского хозяйства и лесоводства в городе Ново-Александрия (Польша). С 1911 – профессор Казанского университета. В разные годы был деканом физико-математического факультета Казанского университета, заведующим кафедрой органической химии Казанского химико-технологического института, возглавлял созданные по его инициативе научно-исследовательский химический институт им. А. М. Бутлерова Казанского университета (1929), Казанский филиал АН СССР (1945). По его инициативе в Казани был создан институт органической и физической химии АН СССР (1965), носящий ныне его имя.

¹² *Смирнов Алексей Петрович* (1899–1974) – советский историк и археолог, специалист в области финно-угорской и болгарской археологии. Доктор исторических наук (1944), профессор Московского государственного университета (1951). Заместитель директора Государственного исторического музея и Института археологии Академии наук СССР. Окончил реальное училище в 1916 году, после чего был призван в армию. В 1924–1937 руководил работами археологических экспедиций в Московской и Ивановской областях, Краснодарском крае (Фанагория), в Коми и Удмуртии (городища Иднакар, Сабанчикар, Дондыкар, Кушманское, могильники Бигер-Шай, Вужшай, Чемшай). С 1933 руководитель Суварской археологической экспедиции. С 1938 возглавил полевые работы в городе Болгар, ставшие основой для известных работ по Волжской Булгарии и Улусе Джучи. С 1957 они разрослись до Поволжской археологической экспедиции, которая начала регулярные исследования нижневолжских золотоордынских городов (с 1959).

¹³ Подчеркнуто от руки в тексте письма.

¹⁴ Переписка института с профессором Гамбургского университета Б. Шпулером и доцентом О. Притсак по вопросу Булгарских надписей... Л. 6.

¹⁵ Измайлов И. Л. “Не дано марксистской оценки Золотой Орде” // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. № 3/4. С. 102.

¹⁶ Здесь и далее в правом углу простым карандашом указан номер страницы в деле. Номера идут не по порядку, поскольку в дело собраны случайным образом.

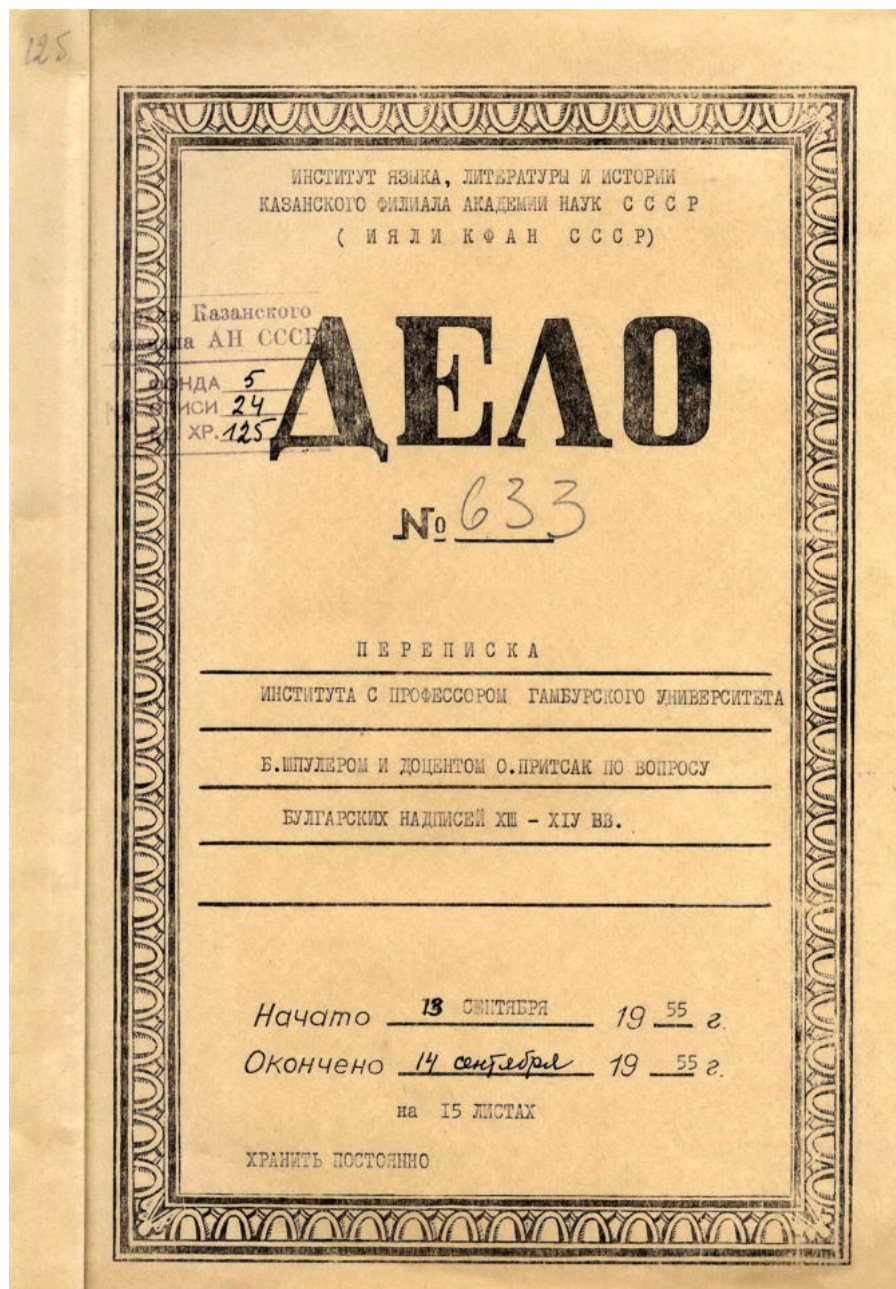
¹⁷ Название вписано от руки.

¹⁸ Дописано от руки позднее.

¹⁹ Подписано позднее от руки, другим почерком.

²⁰ Поверх шапки идет размашистая подпись синим карандашом: Черновой вариант прочитан. 13/IX 55. Л. М. Миропольским.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1. Обложка дела, содержащего материалы переписки профессора Гамбургского университета Бернарда Шпулера и его аспиранта Омельяна Прицака с казанскими историками

Universität Hamburg
Seminar für Geschichte und Kultur
des Vorderen Orients

г.Казань
Филиал Академии Наук СССР
Профессору Г.В.Ксупову

Hamburg. 8
9-го августа 1955г.
Grindelhof.
Fernsprecher 441071.
app. 755.

Многоуважаемый Господин Профессор,

доцент нашего института д-р О.Притсак работает над болгарскими надписями 13-14 вв. Ему удалось и, пр. прочесть несколько фраз, писанных на "втором болгарском" языке, которые до сих пор не поддавались дешифровке, и он готовит сводную работу о надписях.

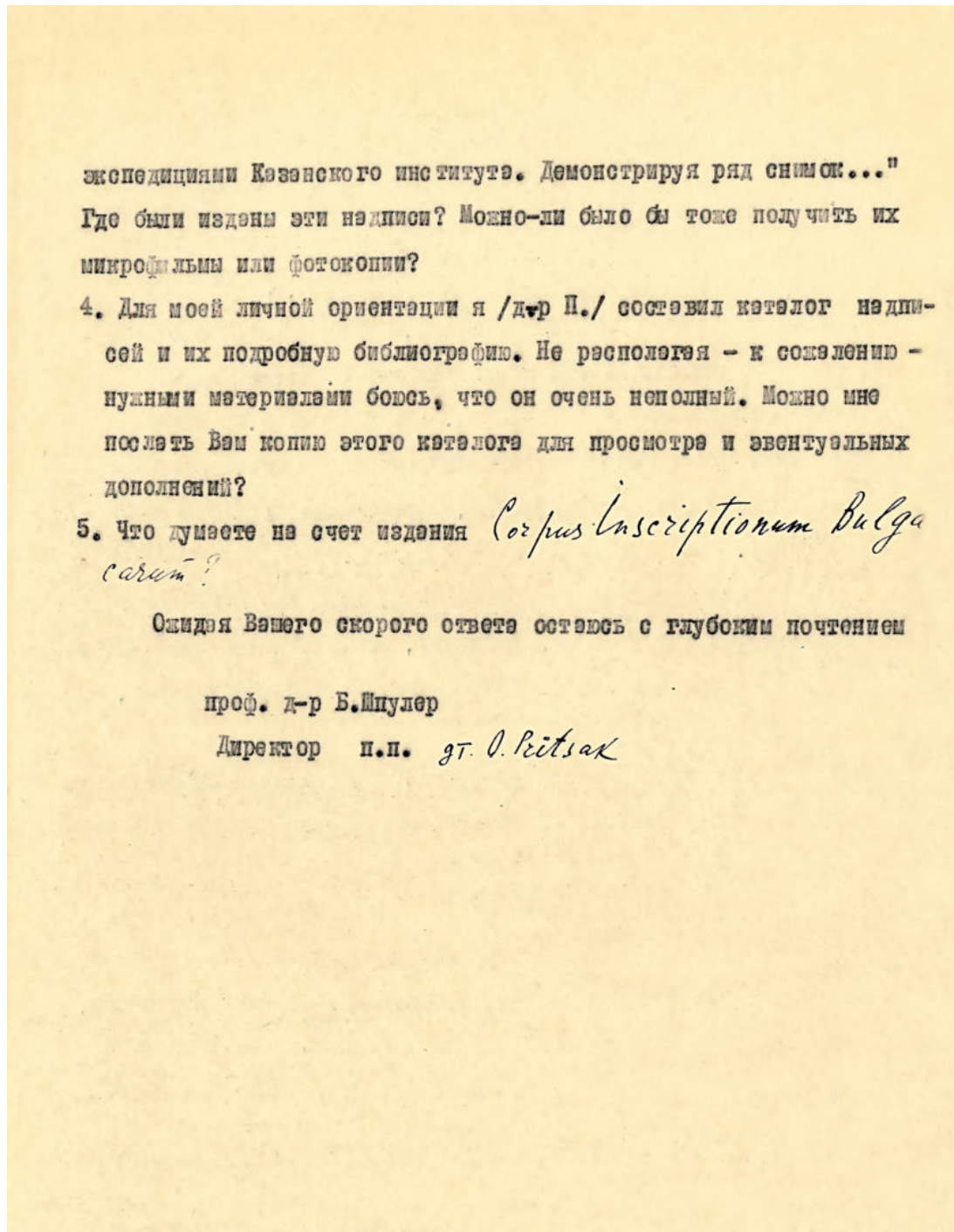
В связи с этим мы просили Академию Наук СССР прислать нам несколько работ /или микрофильмы/, которые не имеются в Германии /в первую очередь Сборник Происхождение Волжских Татар, Казань 1948/.

Кроме того доцент д-р Притсак просил меня обратиться к Вам, как к лучшему знатоку болгарской и татарской эпиграфики с просьбой, подать ему следующие информации:

1. Проф. А. П. Смирнов пишет в своей работе "Волжские Булгары", Москва 1951, 57, что в Чинмах в уфимском районе был "найден камень с арабской надписью, гласящей, что здесь покоится Хусейн Бек, сын Измера Бека, 444г. Хиджры /1052/. К сожалению он не подает где эта надпись издана. Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы могли прислать нам фотографию /или микрофильм/ этой надписи.

2. Были-ли когда-нибудь изданы тексты копий надписей, сделанные Н. А. Пономаревым, которыми пользовался И. Ф. Готвальд для своих переводов /ср. Изв. ОАИЭ, 10, 482, 11, 336; 12, 76/. Можно было бы получить микрофильмы /или фотокопии этих надписей?/

3. В "Советской Этнографии", 1946, кн. 3, на стр. 150 пишется и, пр. "Затем Н. Ф. Калинин приводит подробные данные об эпиграфических памятниках конца 13-14 вв. /75 шт./..., обследованных археологическими

Илл. 2. Письмо Б. Шпулера и О. Прицака

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ и ИСТОРИИ

зань, ул. Лобачевского, 2/31. Тел. Ком. № 2-13-07 № 855/16/12 .14. сентября 1955 г.

ГАМБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Семинар по изучению истории и культуры Перед-
него Востока
Профессору Б. ШПУЛЕРУ и доценту О. ПРИТСАКУ

Многоуважаемые господа !

Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР получил ваше письмо от 9-августа, адресованное работавшему у нас аспиранту Г.В. Юсупову. Так-как Г.В. Юсупов в настоящее время у нас не работает, а круг вопросов, вами затрагиваемых, относится к тематике нашего Института, то мы на них отвечаем.

1. Институт имеет в своем плане издание болгарских и казанско-татарских надписей XIII-XIV вв., составляющих единую линию развития. В текущем году будет издан первый том этого издания, который может быть назван "Corpus inscriptionum bulgaricarum et tartaricarum". В этот том войдет около 100 эпиграфических материалов XIII-XIV вв., уже подготовленных, собранных и прочтенных нашей комиссией.

2. Работы Г.В. Юсупова, напечатанные в "Эпиграфике Востока" является частью его работы, составившей кандидатскую диссертацию.

3. Сведения о работе эпиграфической комиссии Казанского филиала Академии наук СССР можно найти в сборнике "Происхождение казанских татар", 1948г., в

6

2

статье Н.Ф.Калинина /председателя названной комиссии/.
Здесь изданы шесть надписей и впервые проведена классификация надписей, деление их на два стиля, в основе которых лежат диалектологические особенности болгарского языка.

4. Болгарский язык мы считаем одним, поэтому не понимаем выражение вашего письма: "второй болгарский язык". Болгарский язык проявляется в эпиграфике одновременно в двух диалектах и, обычно, в двух стилях, но он единый и является основой современного казанско-татарского языка, в котором тоже имеются диалекты.

5. Копию каталога, составленного доктором Прицаком, просим прислать по нашему адресу. Мы с удовольствием просмотрим его и сделаем возможные указания.

6. Посылаем вам сборник "Происхождение казанских татар", Казань, 1948г.

7. Мы запросили проф.А.П.Смирнова ответ на первый Ваш вопрос. Он обещал выслать ответ в ~~начале~~ начале сентября ~~месяце~~.

8. О копиях П.А.Пономарева можем сообщить, что они не были изданы.

Ученый секретарь Института
языка, литературы и истории
кандидат исторических наук

ИФАН СССР

 М.К. Мухарьямов/

Руководитель археол. группы
кандидат исторических наук -

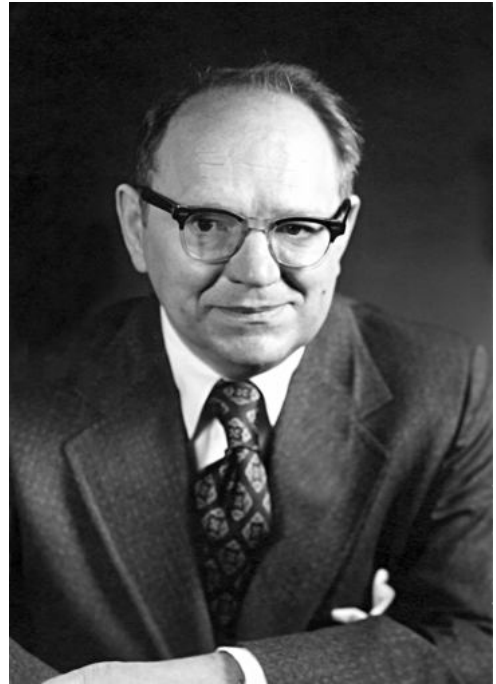

/Н.Ф.Калинин/

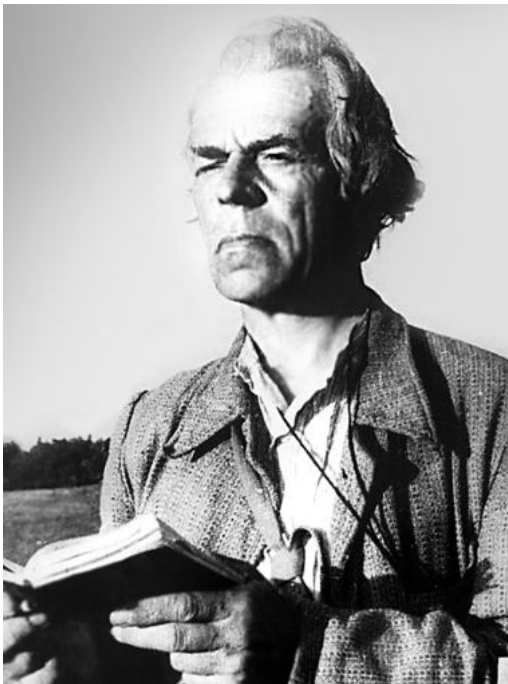
Илл. 3. Ответ казанских историков на письмо Б. Шпулера и О. Прицака

Илл. 4. Б. Шпулер

Илл. 5. О. Прицак

Илл. 6. Н. Ф. Калинин

Илл. 7. Г. В. Юсупов

ЛИТЕРАТУРА

- Ашмарин Н. И. **Болгары и чувашы**. Казань, 1902.
- Гимади Х. Г. Н. Ф. Калинин [Некролог] // **Советская археология**, 1960, № 2.
- Заляй Л. К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка) // **Происхождение казанских татар**. Казань, 1948.
- Измайлов И. Л. “Не дано марксистской оценки Золотой Орде...” // **Гасырлар авазы / Эхо веков**, 1996, № 3/4.
- Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV века // **Татары** / Под ред. Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. Москва, 2001. (Серия “Народы и культуры”).
- Калинин Н. Ф. К вопросу о происхождении казанских татар // **Происхождение казанских татар**. Казань, 1948.
- Мухаметшин Д. Г. **Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты**. Казань, 2008.
- Мухаметшин Д. Г. Г. В. Юсупов и проблемы татарской эпиграфики // **Поволжская археология**, 2014, № 4.
- Переписка института с профессором Гамбургского университета Б. Шпулером и доцентом О. Прицак по вопросу Булгарских надписей XIII–XIV вв. (сентябрь 1955 г.) // **Научный фонд Музея археологии РТ Института археологии АН РТ**. Ф. 5, оп. 24, д. 125, № 633, 15 с.
- Происхождение казанских татар**. Казань, 1948.
- Ситдииков А. Г., Старостин П. Н. **Николай Филиппович Калинин (1888–1959)**. Казань, 2002.
- Хакимзянов Ф. С. **Язык эпитафий волжских болгар**. Москва, 1978.
- Хакимзянов Ф. С. **Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык**. Москва, 1987.
- Хакимзянов Ф. С., Измайлов И. Л. Языки населения Волжской Булгарии и проблема “булгарского” языка // **История татар с древнейших времен**. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.
- Юсупов Г. В. **Введение в болгаро-татарскую эпиграфику**. Москва – Ленинград, 1960.
- Pritsak O. **Die bulgarische Furstensliste und die Sprache der Protobulgaren**. Wiesbaden, 1955. (Ural-Altische Bibliothek. 1).

REFERENCES

- Ashmarin N. I. (1902), *Bolgary i chuvashi*, Izd-vo Kazanskogo un-ta, Kazan. (In Russian).
- Gimadi Kh. G. (1960), “N. F. Kalinin [Nekrolog]”, *Sovetskaya arkheologiya*, No. 2, p. 315. (In Russian).
- Zalyay L. (1948), “K voprosu o proiskhozhdenii tatar Povolzh’ya (po materialam yazyka)”, in *Proiskhozhdeniye kazanskikh tatar*, Tatgosizdat, Kazan, pp. 81–89. (In Russian).
- Izmaylov I. L. (1996), “Ne dano marksistskoy otsenki Zolotoy Orde...”, in *Gasyrlar avazy / Ekho vekov*, No. 3/4, pp. 96–101. (In Russian).
- Iskhakov D. M. and Izmaylov I. L. (2001), “Etnopoliticheskaya istoriya tatar v VI – pervoy chetverti XV veka”, in *Tatary*, R. K. Urazmanov and S. V. Cheshko (Eds.), Nauka, Moscow, pp. 41–100. (In Russian).
- Kalinin N. F. (1948), “K voprosu o proiskhozhdenii kazanskikh tatar”, in *Proiskhozhdeniye kazanskikh tatar*, Tatgosizdat, Kazan, pp. 90–107. (In Russian).
- Mukhametshin D. G. (2008), *Tatarskiye epigraficheskiye pamyatniki. Regional’nyye osobennosti i etnokul’turnyye varianty*, Institut istorii AN RT, Kazan. (In Russian).
- Mukhametshin D. G. (2014), “G. V. Yusupov i problemy tatarskoy epigrafiki”, in *Povolzhskaya arkheologiya*, No. 4, pp. 154–177. (In Russian).
- “Perepiska instituta s professorom Gamburgskogo universiteta B. Shpulerom i dotsentom O. Pritsak po voprosu Bulgarskikh nadpisey XIII–XIV vv. (sentyabr’ 1955 g.)”, in *Nauchnyy fond Muzeya arkheologii RT Instituta arkheologii AN RT*, Fund 5, Inventory 24, File 125, № 633, 15 sheets.
- Proiskhozhdeniye kazanskikh tatar* (1948), Tatgosizdat, Kazan. (In Russian).

Sitdikov A. G. and Starostin P. N. (2002), *Nikolay Filippovich Kalinin (1888–1959)*, Izd-vo KGU, Kazan. (In Russian).

Khakimzyanov F. S. (1978), *Yazyk epitafy volzhskikh bulgar*, Nauka, Moscow. (In Russian).

Khakimzyanov F. S. (1987), *Epigraficheskiye pamyatniki Volzhskoy Bulgarii i ikh yazyk*, Nauka, Moscow. (In Russian).

Khakimzyanov F. S. and Izmaylov I. L. (2006), “Yazyki naseleniya Volzhskoy Bulgarii i problema ‘bulgarskogo’ yazyka”, in *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen: V 7-mi tt.*, Vol. II: *Volzhskaya Bulgariya i Velikaya step’*, RukhIL, Kazan, pp. 621–628. (In Russian).

Yusupov G. V. (1960), *Vvedeniye v bulgaro-tatarskiyu epigrafiku*, Izd-vo AN SSSR, Moscow and Leningrad. (In Russian).

Pritsak O. (1955), *Die bulgarische Furstenliste und die Sprache der Protobulgaren*, Ural-Altaische Bibliothek, 1, Wiesbaden.

Х. М. Абдуллин, И. Л. Измайлов

НЕМОЖЛИВІСТЬ ДІАЛОГУ: ЛИСТУВАННЯ Б. ШПУЛЕРА І О. ПРИЦАКА З КАЗАНСЬКИМИ ІСТОРИКАМИ-ТЮРКОЛОГАМИ (1955 р.)

У науковому фонді Інституту археології Академії наук Республіки Татарстан зберігається справа, що містить матеріали листування професора Гамбурзького університету Бернарда Шпулера та його аспіранта Омеляна Прицака з казанськими істориками з приводу епіграфічних пам’яток XIII–XIV ст. з території Середнього Поволжя. У ній порушуються ключові питання, які й надалі будуть об’єктом суперечок і певних термінологічних різночитань, що впливають на розуміння не тільки лінгвістичної, а й у цілому етнокультурної та етнополітичної ситуації в Середньому Поволжі. Питання і відповіді, які зберегла ця експрес-дискусія, надзвичайно важливі й показові, оскільки демонструють реалії міжнародної координації та можливості радянських учених з національних республік контактувати зі своїми західними колегами. Приклад цієї архівної публікації ясно показує, що такої можливості в регіональних істориків або не було взагалі, або вони були дуже обмежені.

Ключові слова: Б. Шпулер, О. Прицак, Н. Ф. Калінін, казанська школа археології та тюркології, міжнародні наукові зв’язки, наукова кооперація, Булгарський улус, Золота Орда, середньовічне Поволжя, татарська епіграфіка XIII–XIV ст., тюркологія, епіграфічні пам’ятки

Х. М. Абдуллин, И. Л. Измайлов

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ДИАЛОГА: ПЕРЕПИСКА Б. ШПУЛЕРА И О. ПРИЦАКА С КАЗАНСКИМИ ИСТОРИКАМИ-ТЮРКОЛОГАМИ (1955 г.)

В научном фонде Института археологии Академии наук Республики Татарстан хранится дело, содержащее материалы переписки профессора Гамбургского университета Бернарда Шпулера и его аспиранта Омеляна Прицака с казанскими историками по поводу эпиграфических памятников XIII–XIV вв. с территории Среднего Поволжья. В ней затрагиваются ключевые вопросы, которые и в дальнейшем станут объектом споров и определенных терминологических разночтений, влияющих на понимание не только лингвистической, но и в целом этнокультурной и этнополитической ситуации в Среднем Поволжье. Вопросы и ответы, которые сохранила эта экспресс-дискуссия, чрезвычайно важны и показательны, поскольку демонстрируют реалии международной координации и возможности советских ученых из национальных республик осуществлять контакты со своими западными коллегами. Пример этой архивной публикации ясно показывает, что такой возможности у региональных историков или не было вообще, или они были очень ограничены.

Ключевые слова: Б. Шпулер, О. Прицак, Н. Ф. Калинин, казанская школа археологии и тюркологии, международные научные связи, научная кооперация, Булгарский улус, Золотая Орда, средневековое Поволжье, татарская эпиграфика XIII–XIV вв., тюркология, эпиграфические памятники

Стаття надійшла до редакції 28.10.2019